

В ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА

Предложение поделиться воспоминаниям о Юрии Юрьевиче Кондуфоре, откровенно говоря, застало меня врасплох. Мы дружили почти полвека – со студенческих лет и до самой скоропостижной смерти Ю.Ю. Но никогда я не задавался вопросом: на чем она основана, эта дружба, тем более, что и учились мы на разных факультетах (я на экономическом, а Ю.Ю. – на историческом). Да и никогда вместе не работали. Несомненно, в те далекие студенческие годы Ю.Ю. оказывал определенное влияние на нас, поскольку был на несколько лет старше, а соответственно опытней. Подкупала его открытость, ровное настроение без перепадов, присущих многим. Безусловно, Ю.Ю. был остроумен, остер на язык, неизменно пользовался симпатиями окружающих, и возможно, что самое удивительное, не имел недоброжелателей. Возможно потому, что за плечами у всех нас был фронт, в то время отсутствовала явная дистанция между нами, студентами, и преподавателями. Очевидно, этим объясняется то, что уже на старших курсах с Ю.Ю. на равных общались ведущие преподаватели исторического факультета ХГУ, в том числе А.Г.Слюсарский и С.М.Короливский, пользовавшиеся особым авторитетом в студенческой среде. Несомненно, сближала общественная работа, которую каждый из нас вел на своем факультете (Ю.Ю. в годы аспирантуры и в университетском масштабе). Но этого, разумеется, мало, чтобы испытывать привязанность к человеку почти полвека.

В то время, в конце 1940-х годов, студенчество отличалось высокой прослойкой фронтовиков. Особенно это было заметно на историческом, геологическом и экономическом факультетах, где демобилизованные из армии преобладали. Жилось более чем скудно – большинство до третьего курса донашивало еще армейскую форму, а шинели сняли и еще позже. Когда Ю.Ю. купил на сталинскую стипендию габардиновое легкое пальто, то все друзья собрались поглядеть, как к его воротнику подшивалось кашне, чтобы воротник не лоснился. Это было событие чуть ли не в масштабе всего общежития по улице Артема 49, где тогда жил Ю.Ю. Студенческую жизнь в ХГУ того периода весьма правдоподобно описал В.Добровольский в своем романе “Трое в серых шинелях”. Хотя по художественным достоинствам он не приблизился к “Трем товарищам” Ремарка, но и поныне воспринимается как одно из свидетельств тех далеких студенческих дней. Быт, разумеется, сближал всех нас, но он не мог служить основой дружеских отношений, хотя играл свою роль. Так что же тогда притягивало меня к Ю.Ю., привязало на долгие годы, когда мы жили после 1955 г. в разных городах, да и профессиональные интересы у нас были разные? Ныне, оглядываясь через десятилетия на те студенческие годы, начинаешь понимать, что прежде всего для меня лично, не имевшего ни братьев, ни сестер, Ю.Ю. заменил старшего брата, с которым всегда можно посоветоваться, поступки которого могли служить эталоном порядочности, что особенно с годами начинаешь ценить.

С годами Ю.Ю. занял высокий пост в тогдашней республиканской иерархии, хотя для многих представителей партсовноменклатуры всегда оставался

“белой вороной”: он никогда не был карьеристом. В те годы, когда еще царил культ личности Сталина и все еще в ходу была версия о врагах народа, Ю.Ю. избрал спутницей жизни дочь репрессированного Нину Семеновну Рогову. Ее отец, работавший до массовых репрессий 1930-х годов на Южной железной дороге, был, как и десятки тысяч других, расстрелян, а мать сошлась с театральным деятелем (в послевоенные годы директором Харьковского театра оперетты) Семеном Михайловичем Гуревичем. Согласитесь, что для тех лет сочетание весьма и весьма негативное: дочь врага народа, воспитывавшаяся евреем. И это в годы, когда повсюду шла тщательно спланированная директивными органами “борьба с космополитизмом”, а члены Еврейского антифашистского комитета поголовно истреблены. Чего греха таить: многие демобилизованные, став студентами, истомившись общежитейской неустроенностью, весьма активно ухаживали за дочерьми номенклатурных работников и профессорскими дочками. Ю.Ю., который всегда пользовался благосклонностью женской половины, тем более мог оказаться в их числе. Пойти на то, чтобы соединить свою судьбу с дочерью “контрреволюционера и иностранного шпиона”, да к тому же воспитанную евреем (как это не смешно нынешнему поколению кажется) в то время выглядело как гражданский поступок: любовь поставить выше возможного продвижения по служебной лестнице. (Сразу же отмечу, что в те годы Ю.Ю. стремился к научно-педагогической деятельности и на работе в лекторской группе областного комитета КПСС, положившей начало его длительной работе в партийных органах – Харьковском ОК КПСС и ЦК КПУ – оказался вопреки своей воли, как тогда говорили, “в порядке партийной дисциплины”, продолжая вести занятия и в госуниверситете).

Все друзья Ю.Ю. любили бывать в доме у Нины Роговой и до того как Ю.Ю. и Н.С. официально оформили свои отношения, и в последующие годы. Жили они в большой коммунальной квартире, где Гуревич с семьей занимал две комнаты: одну большую, где всегда былолюдно и другую маленькую (метров 10-12), в которой жили Н.С. и Ю.Ю. Это была удивительно гостеприимная семья, где тон задавала мать Н.С. Александра Степановна, всегда, до самой ее смерти, относившаяся ко всем нам, посещавшим их дом, с материнским вниманием и заботой. Необычность быта заключалась, возможно, в том, что соседи по коммунальной квартире были также из оперетты (главный администратор театра Дайновский с женой Зинаидой Мизиненко, выступавшей там же в комедийных ролях, первая скрипка оркестра и т.д.). Видимо, это придавало определенный дух богемности, но Ю.Ю. это, похоже, не мешало: жизнь до глубокой ночи, когда все после работы возвращались из театра, бурлила в большой комнате, а маленькая комната находилась в отдаленности по бесконечному коридору. В той комнатухе на женском туалетном столике Ю.Ю. написал и свою кандидатскую диссертацию (свою первую квартиру Ю.Ю. получил, уже работая в обкоме). В этой квартире родилась и провела первые годы жизни дочь Ю.Ю. и Н.С. В этой семье царила настолько доброжелательная атмосфера, что часто друзья Ю.Ю. забегали и в его отсутствие. Всегда Александра Степановна сердечно привечала. У нее же всегда можно было перехватить денег до стипендии.

В отличие от партчиновников, которые ввали, что узнали о незаконных сталинских репрессиях лишь из доклада Хрущева на XX съезде партии, наше поколение прекрасно сознавало, что истреблены люди, которые никогда не были и не могли быть “врагами народа”. Знали об этом по собственному

опыту. У многих из нас отцы сгинули в сталинских застенках (моему “повезло” - он в “воспитательных заведениях” провел 17 лет и еще при жизни был реабилитирован) или попали под пресс раскулачивания в начале 1930-х годов. Не смущал нас, даже в годы “борьбы с космополитизмом”, и национальный вопрос – фронтовое братство его исключало напрочь. Н.С. мы сразу же приняли с симпатией в свою среду, и для многих, друживших с Ю.Ю. в те далекие годы, Н.С. стала добрым товарищем, с которым можно было поделиться самым личным и сокровенным. В студенчестве, когда Ю.Ю. носил еще военную форму, Н.С. слыла в нашей среде модницей, одевавшейся весьма броско. Секрет этого был весьма прост: мать Н.С. Александра Степановна была отличной портнихой и сама шила наряды для дочери.

К счастью для Ю.Ю., его “сомнительный” по понятиям того времени выбор спутницы жизни не отразился на его служебных делах. Но тогда, когда никто не знал как сложится дальнейшая судьба, это был гражданский поступок, свидетельствующий об отсутствии карьеристских устремлений. И это, разумеется, заслуживало уважения.

Несомненно, всем, близко знавшим Ю.Ю., импонировала его принципиальность и порядочность. Приведу лишь один из запомнившихся эпизодов, связанный с небезызвестной сессией ВАСХНИЛ (31 июля – 7 августа 1948 г.), на которой мракобес Т.Д.Лысенко фактически разгромил отечественную генетику, на два десятилетия затормозив развитие этого важного раздела науки, последствия чего ощущаются и в наши дни. В те годы партком ХГУ возглавлял член-корреспондент АН Украины Илья Михайлович Поляков, он же заведовал кафедрой дарвинизма на биологическом факультете ХГУ. Человек в университете уважаемый и авторитетный. И вот его в своем докладе на сессии ВАСХНИЛ Лысенко подверг разному и самое курьезное: зав.кафедрой дарвинизма был обвинен в том, что он “ортодоксальный дарвинист” (видимо, это считалось смертным грехом). Надо сказать, что И.М.Поляков не сразу понял, как и другие участники сессии, откуда “ветер дует” и в своем выступлении достойно защищался, объясняя свою позицию, несмотря на жесткий прессинг со стороны Лысенко и его клеветников, видимо, ошибочно полагая, что сессия академии отраслевых наук (сельскохозяйственных) – место для научной дискуссии. Однако в последний день работы сессии, когда прямым текстом было заявлено, что с оценками, прозвучавшими в докладе Лысенко, знаком Сталин, в числе других вынужден был каяться, хотя и при этом стремился сохранить достоинство, заявив, что перестраиваться в “экстренном порядке” – дело несерьезное для подлинного ученого. Это его слова, независимо от наших профессиональных устремлений, произвели тогда большое впечатление на всех, кому доводилось сталкиваться с И.М.Поляковым по общественной работе, а Ю.Ю. в силу его общественных обязанностей это приходилось делать чаще, чем кому-либо из нас.

Многие из прозвучавшего на сессии в те августовские дни, у нас вызывало вопросы, за ответами на которые, съехавшись после летних каникул, часто обращались к доценту биофака Воловику – такому же как и мы фронтовику, лишившемуся в боях ноги. Уже не помню по какой причине, но общались с ним обычно стоя, хотя, разумеется, для него, передвигавшегося с помощью двух костылей, это была не лучшая позиция. Здесь уместно сказать, что большинство профессорско-преподавательского состава биологического факультета

не разделяли позиции Лысенко, считая их знахарством. Более того, с антилысенковских позиций ведущие преподаватели биофака выступали на конференции по дарвинизму и конференции по генетике, организованной в 1947 г. в МГУ (ее организатор – доцент Алиханян, как и Воловик, на фронте лишился ноги). Позднее командировки сотрудников биофака на эти конференции будут поставлены в вину ректору ХГУ академику АН Украины Ивану Николаевичу Буланкину, пользовавшемуся у студентов высочайшим авторитетом. Очевидно, под влиянием этих общений и обсуждений материалов августовской сессии (все это относится к сентябрю 1948 г.) у нас, активно занимавшихся общественной работой на факультетах, сложилось мнение, что речь идет не о столкновении научных концепций, а о сведении счетов лысенковцев с подлинными представителями науки, людьми, достаточно авторитетными не только в нашей стране, но и за рубежом. Разумеется, для нас, весьма далеких от проблем биологической науки, на первый план выступал личностный фактор – отношение к И.М.Полякову и И.Н.Буланкину. Поэтому, когда стало ясным, что с И.М.Поляковым готовится расправа не только по административной линии, но и по партийной, Ю.Ю. среди тех, кому он доверял, высказался в том духе, что этой расправы допустить нельзя. Для того, чтобы понятней нынешнему поколению была ситуация тех дней, надо сказать, что преобладающее большинство в университетской парторганизации составляли студенты, вступавшие в партию на фронте, когда членство в партии не сулило никаких выгод, но это уже на “гражданке” делало нас независимыми в суждениях и поступках.

И вот состоялось университетское партсоборание, посвященное итогам августовской сессии ВАСХНИЛ. Выступивший секретарь Харьковского обкома по идеологии А.М.Румянцев (в последующие годы – заведующий отделом науки ЦК КПСС, главный редактор журнала “Проблемы мира и социализма”, вице-президент АН СССР) поставил вопрос о выводе И.М.Полякова из состава парткома университета и привлечении его к партийной ответственности, а также об ответственности ректора И.Н.Буланкина за то, что подписал командировочные удостоверения сотрудникам биологического факультета и оплатил проезд им в Москву для участия в конференции по генетике. Присутствовавшие немногочисленные коммунисты-преподаватели предпочитали отмалчиваться, а выступавшие студенты, еще не снявшие военную форму, в основном выступали в защиту всеми уважаемых ученых, против вывода И.М.Полякова из состава парткома. Увидев, что собрание приняло непредвиденное направление, по предложению А.М.Румянцева было решено продолжить обсуждение вопроса на следующий день.

Разумеется, присутствовавшие на собрании обкомовцы догадывались, что столь массовое единодушное выступление студентов не могло быть стихийным. Однако никто так и не назвал инициаторов.

На следующий день собрание продолжило свою работу. Видимо, с коммунистами-преподавателями представителями обкома была проведена соответствующая “разъяснительная работа”, но их выступление студенческой части аудитории так и не показались убедительными. К сожалению, выступление самого И.М.Полякова выглядело довольно бледно (возможно, что в отличие от аудитории он уже отлично сознавал, что его в дальнейшем ждет – уже была освобождена от работы его жена Михайличенко, доктор сельскохозяйственных наук, многолетняя помощница известного селекционера академика

Юрьева) в отличие от выступления И.Н.Буланкина (ходили слухи, что вечером после первого дня собрания И.Н.Буланкин звонил заведующему отделом науки ЦК КПСС Ю.А.Жданову и поставил вопрос о своем уходе с должности ректора на что, якобы, ему ответили: спокойно работайте дальше. Было это или нет – разумеется, сказать никто не может. Возможно, причиной мифа послужил сам тон выступления ректора, закончившего под бурю аплодисментов фразой: кое-кто хотел бы меня смешать с г...м; так вот заявляю, что г...о съедите, а Буланкиным подавитесь). Резолюция собрания было совершенно не та, которую пытались провести партчиновники: из нее исключили пункт, по которому И.М.Поляков должен был быть выведен из состава парткома МГУ. Говорили, что за необеспечение партлинии при проведении собрания А.М.Румянцев получил серьезную выволочку от первого секретаря обкома В.Н.Титова. Отдел науки долго пытался выявить зачинщиков, но тщетно.

Должен сказать, что реакция студенческого партийного большинства не должна рассматриваться как оппозиционное выступление. Просто все мы создавали, что готовится несправедливая расправа с авторитетным работником биологической науки и по наивности полагали, что можем ее предотвратить. Когда обсуждалась линия поведения, Ю.Ю. неоднократно высказывал мысль, что партия и партийный аппарат – это далеко не одно и то же. Раз нет официального партийного решения, то любое выступление партработника можно рассматривать как его личное мнение, а не как партийную директиву. По злой иронии, эту мысль высказывал тот, кому в дальнейшем много лет довелось работать именно в партийном аппарате. Ныне та попытка отстоять достоинство человека выглядит чистой воды донкиходством, но в то время, хотя казалось бы прошли большую жизненную школу за годы военной службы, полагали еще по наивности, что можем оказать влияние на ход событий.

Разумеется, в последующем И.М.Поляков был не только выведен из парткома ХГУ, но и освобожден от работы, исключен из партии, но все эти гадости делались уже непосредственно бюро обкома, а не первичкой. Маленький штрих, характеризующий Лысенко: когда И.М.Поляков остался без работы, то Лысенко взял его в свой штат, определив главным редактором сочинений Ламарка и выделив закуток в коридоре института в Горках. Он же в последующем, раздавив человека, обратился с письмом в ЦК КПУ на бланке депутата Верховного Совета СССР, подчеркнув, что он, беспартийный, обращается в партийный орган с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении И.М.Полякова в партии. Понятно, что “просьба беспартийного” была удовлетворена. Так, по-иезуитски, растоптав уважаемого представителя прогрессивной биологической науки, Лысенко продемонстрировал общественности и свое всеисилие, и свое “великодушие”. Факт, разумеется, мерзкий, но этот штришок весьма характерен для не столь уж далекого прошлого.

Во мне позиция Ю.Ю. и других друзей, принимавших участие в “разъяснительной работе” (Виктора Ивановича Астахова, в последствии доктора исторических наук, проректора по науке ХГУ, Юрия Ивановича Терехова, в последствии заведующего кафедрой планирования и декана экономического факультета, Дмитрия Андреевича Ушакова, Героя Советского Союза, в последующие годы работавшего старшим преподавателем в ХГУ и других), еще больше укрепила уверенность в том, что дружу я с настоящими принципиальными людьми, далекими от обывательского “как это на мне отразится”. Как

важно иметь таких надежных друзей я понял много позднее, когда сам не раз оказывался объектом партийного произвола.

Ю.Ю. рано определился с кругом научных интересов. Два доклада в студенческом научном обществе и дипломная работа были посвящены сложнейшей проблеме взаимоотношений города и деревни (рабочего класса и крестьянства) на завершающем этапе гражданской войны, в преддверии нэпа. Продовольственная проблема на Украине привлекала Ю.Ю. не только ее малоизученностью, но и возможностью работы непосредственно с архивными материалами, хранившимися в харьковском архиве. Возможно, в какой то мере определиться с проблематикой помог и начальник ЦГАОР УССР А.Д.Скаба, работавший по совместительству на историческом факультете ХГУ (в последствии ряд лет был секретарем ЦК КПУ). Активно интересовался первыми шагами Ю.Ю. в науке и декан истфака А.Г.Слюсарский. Выбор тематики своих студенческих изысканий Ю.Ю. в частных беседах обычно объяснял тем, что она дает возможности идти не от принимавшихся в те годы партийных решений и подборе затем фактического материала их иллюстрирующих, а позволяет делать определенные выводы, высказывать суждения, основываясь на документальных архивных материалах и обобщая их. Можно даже сказать, что в то время увлеченность фактической стороной дела позволяла Ю.Ю. вовлекать в научный оборот пласт новых народнохозяйственных данных, характеризующих происходившие в начале 1920-х годов экономические процессы.

Это было присуще и кандидатской диссертации Ю.Ю., построенной на обильных архивных материалах. Первый оппонент по кандидатской диссертации Ю.Ю. профессор Л.М.Клецкий. В те годы на истфаке работал лишь один доктор наук, заведовавший кафедрой истории древнего мира профессор К.Э.Гриневич. Он переехал в Харьков из Ленинграда после разгрома так называемых “марровцев”, вызванного опубликованием опуса Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”. Поэтому пришлось ученому совету факультета привлекать в качестве оппонента заведующего кафедрой экономики и организации сельскохозяйственного производства Харьковского сельскохозяйственного института, впоследствии члена-корреспондента ВАСХНИЛ), Л.Клецкого, с которым я был в добрых отношениях в 1970-е годы, когда работал вместе с ним в экспертной комиссии ВАКа. Клецкий не раз говорил, что Ю.Ю. мог бы быть отличным экономистом. В устах Льва Михайловича это являлось высшей похвалой.

Очевидно, высказывания Ю.Ю. о том, что ему хотелось бы работать не по заданной схеме, принятой для кандидатских диссертаций, проходивших по кафедре истории КПСС, подбирая иллюстративный материал под канонизированные партийные решения, а попытаться самостоятельно разобраться в существе вопроса по архивным материалам, во многом повлияли и на мой выбор направления научных исследований: проходя учебу на отделении политической экономии экономического факультета ХГУ, я уже со второго курса начал работать в ЦГАОР УССР над проблемами развития машиностроения на Украине в 1920 – 1932 гг. По этой проблематике мною были сделаны доклады на университетских конференциях студенческого научного общества, позднее, в 1955 г., защищена кандидатская, а в 1963 г. – докторская диссертация по экономическим наукам (судьба распорядилась так, что докторскую диссертацию довелось защитить раньше Ю.Ю.). Фактически 15 лет (1948-1963 гг.) выбор моих научных интересов был предопределен непосредственным влиянием

Ю.Ю.Кондуфора, аргументировавшего целесообразность ориентации на проблематику по истории народного хозяйства тем, что любая тема по политической экономии в те годы свелась бы к перепеву сентенций, высказанных в трудах классиков, с привлечением иллюстративного материала их подтверждающих. Между тем историко-экономическая проблематика позволяет, разумеется, в определенных пределах, поднимать новые пласты статистических материалов и вводить их в научный оборот, то есть обогащать наши представления об экономических процессах. (Отмечу, что в послевоенные годы историко-экономическая проблематика, очевидно по сходным причинам, увлекла С.Г.Струмилина, Л.Б.Кафенгауза, П.И.Лященко, Е.С.Карнаухова, К.И.Клименко, Г.Д.Бакулева и ряд других экономистов, чьи работы именно по этой проблематике и поныне сохраняют научную значимость). Так что непосредственное влияние Ю.Ю. во многом предопределило на длительные годы основное направление моих научных исследований, за что я бесконечно ему признателен.

Я бы погрешил против правды, если бы наши студенческие годы свел только к общественной работе, учебе, первым шагам научного творчества. Мы были старше студентов, пришедших в университет после школы, а поэтому старались наверстать упущенное во всем, не только в учебе, но и в маленьких житейских радостях, которые дарит пребывание в общежитии. Чаще всего именно общежитие по улице Артема, 49, где жил Ю.Ю., становилось местом, где завязывались неформальные отношения, устраивались по поводу и без повода вечеринки. В этой связи запомнился такой эпизод. После убийства во Львове студентом университета известного публициста Ярослава Галана ЦК КПУ приняло решение проверить состояние политико-воспитательной работы со студентами во всех вузах Украины. В Харьков в этих целях был командирована бригада, которую возглавлял тогдашний министр иностранных дел Украины Дмитрий Захарович Мануильский. К его приезду, о котором знали заранее, в университете готовились тщательнейшим образом, составлялись задним числом детальнейшие планы политико-воспитательной работы по каждой студенческой группе, пересматривались списки закреплённых преподавателей, заслушивались отчеты о проведении политинформаций на заседаниях партбюро и т.д. и т.п. Специальные представители ректората проверили чистоту и порядок во всех общежитиях. Казалось, что учли все. Но, как часто бывает, приезд комиссии в город по каким-то причинам откладывался, а когда Д.З.Мануильский приехал, то чуть ли не с вокзала дал команду сопровождающим во главе с ректором И.Н.Буланкиным ехать в общежитие. Случилось так, что осмотр начали с крыла, где отдельную маленькую комнатку занимали два сталинских стипендиата – Ю.Ю. и Юрий Терехов, которых в это время в общежитии не было. Комендант общежития открыл дверь, остановившийся на пороге Д.З. Мануильский похвалил за порядок, хорошо заправленные по-солдатски койки, обилие книг на полках. Все сияют от первой похвалы председателя комиссии, но вдруг, что-то заметив, Дмитрий Захарович приглашает пройти вперед ректора и велит ему заглянуть под койки. Грузный академик И.Н.Буланкин с трудом опускается на колени, и, упершись руками в пол, заглядывает под койки. И, о ужас: все подкоечное пространство заполнено бутылками из-под вина и нарзана. Все ожидали грандиозного разноса, но председатель высокой комиссии был в добром расположении духа и лишь

снисходительно заметил, что в старое время студенты предпочитали монополю с красной сургучной головкой. Тем, к немалому удивлению, все и закончилось. Поскольку визит в общежитие высокой комиссии остался без последствий, надо полагать, что по возвращении в Киев Д.Д.Мануильский об этом эпизоде не обмолвился ни слова, понимая, что мог запросто сломать судьбы двух способных людей, прошедших все испытания военных лет и с трудом переходящих на совершенно новый для них жизненный уклад. А, может быть, просто осознал, что своим снисходительным отношением к людским слабостям заслужит большую симпатию у студенческой молодежи, чем многочасовыми речами. Да и вообще при всех недостатках старик обладал чувством юмора, высоко ценившимся окружающими.

Дружеские, чисто личностные отношения, иногда принимали курьезный характер. Даже казалось бы абсолютно личное – создание семьи. Свадьбу Ю.Ю. отпраздновали 23 февраля 1951 г., а через восемь дней сыграли и мою. Жены наши рожали в одной и той же железнодорожной больнице. И нянечки с нескрываемым удивлением глядели на нас, когда мы вдвоем передавали цветы и фрукты вначале моей жене, а через месяц – жене Ю.Ю. Когда Н.С. с дочкой Танечкой Ю.Ю. забрал из роддома, то оказалось, что Александра Степановна за давностью лет забыла как пеленают новорожденных, а Н.С. эту процедуру еще не освоила. Срочно был затребован я как отец уже с почти сорокадневным стажем для практического показа приемов пеленания. Ю.Ю. с большим любопытством следил за процессом пеленания маленького тельца, но затем заявил: “У нас этим будет заниматься только тещенька” (так Ю.Ю. обычно называл Александру Степановну).

Надо сказать, что Ю.Ю. оказался очень любящим и заботливым отцом. В свободное время, обычно по выходным дням, брали коляски с детишками и отправлялись в один из харьковских парков. Пока дети спали, успевали обсудить все и вся. Часто к нам присоединялся также и Виктор Астахов, который до самой его кончины в июне 1972 г. был нашим самым близким другом. Если погода позволяла, а дети были спокойными, то могли припустить и по паре кружек пива.

Ю.Ю. уже в студенческие годы начал увлекаться охотой, обычно в сезон на уток и на зайца. Кроме него “охотничья бригада” включала Виктора Астахова, который был на курс младше Ю.Ю., человека исключительного жизнелюбия и энергии, мастера спорта по стрельбе, и начальника военной кафедры ХГУ генерала М.Д.Борисова. Надо сказать, такой состав (студенты, затем аспиранты и заслуженный боевой генерал) тогда никого не удивлял. На охотничьих бивуаках генерал ходил по воду, чистил картошку, ничем не выделяясь среди членов “охотничьей бригады”. Поскольку, безусловно, Борисов имел возможность выбора партнеров, то надо полагать, что общество этих людей, годившихся ему в сыновья, генерала чем-то привлекало. Думаю, прежде всего своей незаурядностью. От генерала вошло в традицию оставлять в тушке дичи при приготовлении одну дробину, а затем внимательно следить, кому достанется мясо с этой дробью. Именно тому предстояло мыть котелки и другую посуду. Впрочем, эта традиция сохранялась и тогда, когда готовили дичь уже в городских условиях.

Может быть рассказанное выше и не столь существенно для биографии академика Юрия Юрьевича Кондуфора, но, думаю, эти мелкие детали дополняют представление о нем как о человеке.